

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ РОМАНА В. НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ» С ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ Ф. ДОСТОЕВСКОГО И А. ПУШКИНА

*Работа представлена кафедрой русской литературы XX–XXI вв.
и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е. А. Михеичева*

В статье рассматриваются интертекстуальные связи романа В. Набокова «Отчаяние» с произведениями Ф. Достоевского и А. Пушкина, проводится сравнительный анализ позиций отечественных и зарубежных критиков.

Ключевые слова: *интертекстуальные связи, роман «Отчаяние», В. Набоков, Ф. Достоевский, А. Пушкин.*

Yu. Mikhailova

INTERTEXTUAL LINKS OF THE NOVEL “DESPAIR” BY V. NABOKOV WITH THE WORKS OF F. DOSTOYEVSKY AND A. PUSHKIN

The intertextual links of the novel “Despair” written by V. Nabokov with the works of F. Dostoyevsky and A. Pushkin are examined and the comparative analysis of the Russian and foreign critics’ positions is carried out in the article.

Key words: *intertextual links, novel “Despair”, V. Nabokov, F. Dostoyevsky, A. Pushkin.*

Роман «Отчаяние», по мнению А. Долинина [5], – это первая большая работа Владимира Набокова, в которой автор обращается к ин-

тертекстуальным приемам и стратегиям, таким как литературная пародия, скрытая полемика, игра с несколькими подтекстами.

Главный герой произведения Герман, владелец небольшого шоколадного бизнеса в Берлине, однажды в командировке сталкивается с бродягой, который, по его мнению, является его точной копией. Следуя тщательно разработанному плану, Герман убивает своего двойника, подменив одежду и оставив его тело около своей машины в глухом лесу. По замыслу преступника, супруга Германа должна опознать труп как тело собственного мужа, забрать страховку и позднее присоединиться к нему во Франции. Однако план срывается. Во-первых, бродяга Феликс оказывается непохожим на Германа, а во-вторых, преступник по ошибке оставляет в своей машине палку бродяги с высеченным на ней именем, — таков вкратце сюжет произведения.

«За «Отчаянием» стоит ряд аллюзий настолько полных, настолько богатых, что продвижение по их лабиринтам потребовало бы еще одного Холмса», — писал Вильям С. Кэрролл [4, с. 95] в статье, исследующей некоторые важные «маршруты» внутри этого лабиринта, ведущие к Пушкину, Гоголю, Достоевскому, Оскару Уайлду и Конан Дойлу. Темы произведений Пушкина и Достоевского близки Набокову, а их претворение в текстах писателя является объектом пристального исследования литературоведов. Следует отметить, что позиции отечественных и зарубежных набоковедов по вопросам интертекстуальности и общих мотивов различаются.

Отечественная школа обнаруживает в набоковском тексте связи с такими пушкинскими произведениями, как «Пиковая дама», «Медный всадник», «Моцарт и Сальери», а также с романом Достоевского «Преступление и наказание». Лейтмотивом этих произведений являются вопросы, подспудно возникающие в разных ситуациях «Отчаяния»: стоит ли ради чьего-либо блага перешагнуть через кровь другого человека, возможно ли являться одновременно и гением, и злодеем. Главный герой «Отчаяния» Герман претендует на гениальность, избранность, вседозволенность, а Феликс становится жертвой одаренного чудовища. А. Злочевская отмечает очевидную связь содержания романов Набокова «Отчаяние», «При-

глашение на казнь» с содержанием романов Достоевского, с тем, как у него разрешались экзистенциальные проблемы и как рождался метод «фантастического реализма»: «В. Набоков создал оригинальную модель «фантастического реализма», в которой и проявляет себя специфическая направленность его экзистенциальных интересов: если в художественном мире Достоевского Идеал существует как мистико-философский подтекст жизни действительной, то в произведениях Набокова грань между инобытием и земной реальностью — «тонкая пленка плоти» — почти прозрачна», — делится своими наблюдениями исследователь и в итоге приходит к выводу: «Несмотря на субъективное неприятие Достоевского, Набоков развивался в русле его литературной традиции, унаследовав экзистенциально-философскую ориентацию его творчества, сам комплекс «вечных» вопросов <...> художественная реальность Достоевского — мотивы, образы и сюжетные модели из его произведений — органично вошла в поэтический подтекст его собственных творений» [1, с. 85].

В. Шадурский рассматривает «Пиковую даму» и «Преступление и наказание» как «межтекстовое образование», «претекст сирийского “Отчаяния”». Он обнаруживает «родство» трех текстов, которое подтверждается присутствием в тексте слов-сигналов, фабульным, сюжетным сходством. «Задуманная персонажем “Отчаяния” “финансовая операция” (убийство двойника, получение страховки и быстрое обогащение) указывает на одновременное проявление фабульных элементов повести Пушкина и романа Достоевского», — пишет В. Шадурский [3, с. 39].

А. Долинин, являющийся выдающимся представителем современной зарубежной набоковианы, напротив считает, что роман Набокова «Отчаяние» на самом деле имеет не так много общего с такими произведениями Достоевского, как «Двойник», «Преступление и наказание» и «Записки из подполья». Критик в статье «Пародия в “Отчаянии”» справедливо отмечает, что интертекстуальные прочтения, в основе которых лежат произведения Достоевского, довольно хорошо согласуются с англо-

язычной версией романа 1964 г., которая радикально отличается от оригинала по нескольким аспектам, включая ее детально разработанную систему подтекстов и пародийных аллюзий. В этой версии писатель предстает более экспрессивным, чем в русском оригинале, и нападки в его сторону становятся слишком заметны, чтобы приписывать их происхождение исключительно особенностям стиля повествователя. «Непочтительная параномазия в отношении имени Достоевского, связанная со словами “dust” (пыль) и “dusk” (сумрак), не имеющая аналога в русской версии, не только добавляет больше яда в иконоборческое жало Германа, но также становится частью глубоких тематических слоев текста, находящихся скорее под контролем автора, а не повествователя» [5]. Таким образом, жалоба Германа на то, что он не может освободить свою “dusty, dusky soul” (пыльную, мрачную душу) посредством “refined self-torture” (очищающего самобичевания), дописанная к оригиналу в англоязычной версии романа, становится авторской аллюзией к самокритическому анализу действий героев Достоевского и, косвенно, к популярной западной идее «русской души», которая является неотъемлемой частью произведений писателя. Переориентирование английской версии романа «Отчаяние» в сторону Достоевского было вызвано западным культурным контекстом 1960-х гг., в котором Набоков переписывал свой 30-летний роман. Долинин считает, что роман «Отчаяние» «нападает» не на самого Достоевского, а на «достоевщину», т. е. на мощные «достоевские» тенденции в современной русской литературе: затасканные криминальные сюжеты, банальные апокалиптические пророчества, психопатных героев, скопированных с Раскольникова или с человека из «подполья», избитые моральные и психологические парадоксы, заполонившие сознание сумасшедшие идеи. Исследователь отмечает, что рассудок Германа постоянно оперирует в пределах «мрачной достоевщины».

Набоков обращается к текстам великих русских писателей-классиков, применяя свойственные им художественные приемы и стилистические особенности. Интертекстуальные связи

с произведениями Пушкина наиболее полно проявляются в «сиринский» период творчества Набокова. По словам А. Шадурского, «смысловое значение пушкинского интертекста не ограничивается рамками одного рассказа или романа, во многих набоковских текстах его составные части образуют самостоятельную тему» [3, с. 83]. Имя главного героя романа «Отчаяние» Герман ассоциируется с фамилией персонажа «Пиковой дамы» Германном. Однако герои имеют не только одинаковые имена, но и схожие страсти и стремления. Оба персонажа прельщаются перспективой мгновенного обогащения. Набоковский герой уверен, что, совершив, по его мнению, гениальное убийство своего двойника, он сможет получить огромную страховку; Герман не замечает очевидной разницы между собой и незнакомым бродягой и совершает бессмысленное убийство.

Другим примером интертекстуальных связей романа «Отчаяние» с произведениями Пушкина является сцена встречи Германа с Феликсом в городе Тарница около бронзового памятника герцогу: «Наконец в глубине бульвара встал на дыбы бронзовый конь, опираясь на хвост, как дятел, и, если б герцог на нем энергичнее протягивал руку, то при тусклом вечернем свете памятник мог бы сойти за петербургского всадника» [2, с. 373]. Однако Германа совсем не настораживает детальное сходство этого монумента с памятником Фальконе. Герой не ассоциирует себя с образом Евгения из «Медного всадника». А. Шадурский справедливо отмечает, что Герман, считая себя человеком разумным и здравомыслящим, «отбрасывает любые ассоциации, намекающие на сходство историй петербургских безумцев и его плана» [3, с. 15]. Аллюзии на пушкинские стихи и повести можно обнаружить также в таких романах Набокова, как «Машенька», «Дар», «Приглашение на казнь».

Использование Набоковым различных приемов интертекстуальности в своих произведениях свидетельствует о его стремлении к трансформации наследия русского классика Достоевского. При этом многие критики отмечают усвоение и развитие Набоковым сложней-

ших приемов Достоевского. В заключение следует отметить, что собственный стиль писателя невозможно представить без многочисленных

аллюзий, элементов поэтики Пушкина, Достоевского, Чехова, Гоголя, Бунина и многих других великих русских писателей и поэтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Злочевская А.* Достоевский и Набоков // Достоевский и мировая культура. М., 1996. № 7.
2. *Набоков В. В.* Собр. соч.: В 4 т. М.: Правда. 1990. Т. 3. 450 с.
3. *Шадурский В. В.* Интертекст русской классики в прозе Владимира Набокова / НовГУ им. Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2004. 95 с.
4. *Carroll William C.* The Cartesian Nightmare of Despair. Nabokov's Fifth Arc: Nabokov and Others on his Life's Work. Ed. by J. E. Rivers and Charles Nicol. Ausitn: University of Texas Press, 1982. 88 с.
5. *Dolinin A.* The Caning of Modernist Profaners: Parody in Despair [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.libraries.psu.edu/iasweb/nabokov/forians.htm>